

М. Н. ГУБОГЛО

ЯЗЫКИ
ЭТНИЧЕСКОЙ
МОБИЛИЗАЦИИ

STUDIA HISTORICA

ББК 63.52(2Рос)
Г 93

Губогло М. Н.

Г 93 Языки этнической мобилизации. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. — 816 с., 1 ил.

ISBN 5-7859-0065-3

Тематика произведений, включенных в предлагаемое издание, predeterminedена замыслом автора познакомить читателя с двумя направлениями исследований, осуществляемых в рамках этнографии-этнологии.

С одной стороны, в них анализируются объективные факторы, истоки, предпосылки и механизмы этнической мобилизации, показана неоднозначная, а порой и противоречивая роль элитной и творческой интеллигенции в использовании интегрирующей силы языка и других культурно-психологических явлений, символов, маркеров и мифов как в подъеме национального самосознания и в цементировании внутринациональной консолидации, так и в коррозии межнациональной солидарности.

С другой стороны, рассматриваются некоторые принципы и подходы в изучении двуязычия, этничности, идентичности и элементов этнической идентификации, благодаря которым становится возможным осмысление сущности и значимости этнической мобилизации, а также ее влияние на формирование этнополитической ситуации.

На контртитule — картина Питера Брейгеля Старшего «Вавилонская башня» (Венский Художественно-исторический музей); ее описание см. на страницах 8–9.

ББК 63.52(2Рос)

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su) the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavie@gad.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства Школа «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

© М. Н. Губогло, 1998

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо введения

Истоки и горизонты этнической мобилизации	11
---	----

Часть I. Язык, двуязычие, этничность

1. Интегрирующая функция языка	29
2. Языковые контакты и элементы этнической идентификации	45
3. К изучению двуязычия в истории народов мира	51
4. К изучению двуязычия в культурно-историческом аспекте	69
5. Современные этноязыковые процессы. (Опыт, уроки и задачи этносоциологического изучения)	89
6. Двуязычие у национальных меньшинств Вьетнама: факторы распространения	113
7. Факторы и тенденции развития двуязычия русского населения, проживающего в союзных республиках	128
8. Как два крыла в полете	154

Часть II. Мобилизованный лингвизм

Введение	163
----------------	-----

Раздел 1. Языковая реформа

1.1. Соотношение структурной и функциональной сторон языка в документах языковой реформы	177
1.2. Триумфальное шествие языковой реформы, или из истории огосударствления языковой политики	191
1.3. Государственный язык. Сущность. Компетенция. Внедрение	200
1.4. Цели языкового законодательства	211
1.5. Языковые права и языковые обязанности	224
1.6. Идеология огосударствления языков	246
1.7. Русский язык. Проблемы понижающегося статуса	257
1.8. Призрачные перспективы языков национальных меньшинств	279
1.9. О соотношении внутриреспубликанских и межреспубликанских аспектов языковой реформы	298
1.10. Противоречивое наследие Союза. Свет и тени двуязычия ..	312

1.11. Правовые аспекты двуязычия в законах о языке (и языках) .	324
1.12. Функции языковой реформы-89 г.....	334
Заключение	352
<i>Раздел 2. Условия, механизмы, способы реализации языковых законов</i>	
Введение	355
2.1. Законодательные и исполнительные механизмы по реализации языковой реформы	359
2.2. Кто и как готовил законы языковой реформы	369
2.3. Порядок и этапы реализации законов языковой реформы (хронологический аспект)	392
2.4. Государственные программы по реализации языковой реформы (планово-организационный аспект)	406
2.5. Государственный язык и регулирование межнациональных отношений (этнополитический аспект языковой реформы)	414
2.6. Экономические аспекты языковой реформы	420
2.7. Вопросы обучения государственному языку (этнопедагогический аспект)	426
2.8. Вопросы научно-методического обеспечения языковой реформы	437
2.9. Оппозиция мобилизованного лингвизма	449
2.10. Запоздалое сопротивление Центра	454
2.11. Языковой режим и равноправие языков. Сферы взаимодействия и критерии баланса	458
2.12. Этнопсихологический аспект	463
Послесловие.....	468
Приложение. Этностатистическая панорама языков народов Советского Союза накануне его распада. Национальности, родные языки и свободное владение вторым (русским) языком. (По материалам переписи населения 1989 г.)	478

Часть III. Логика и психология мобилизованной этничности

1. Рассказы, караван, рассказы... (О роли творческой интеллигенции в формировании национального самосознания)	485
2. Энергия памяти. (О роли творческой интеллигенции в восстановлении исторической памяти)	497
2.1. Непрерывная связь поколений	497
2.2. Прости им, ибо не знают, что делают, или наступление на память	499
2.3. Контрнаступление... или борьба за память	505
2.4. Воскрешение памяти... или национальная проблематика в системе ассоциаций романа «И дольше века длится день»	515
2.5. Освобождение памяти или о судьбе исторической личности	517

2.6. Память и беспамятство родной земли	524
2.7. Вулканы памяти... или социальные и экологические беды нашего времени	529
2.8. В начале было Слово... или о роли языка в национальном возрождении	533
2.9. Обретение памяти... или о месте религии в воспроизводстве этничности	541
2.10. Трагический колодец памяти... или о беспамятстве личности	550
2.11. Противостояние этноциду... или неисчерпаемые ресурсы исторической памяти	552
2.12. Промахи в раскрепощении памяти	563
2.13. От художественного творчества к политической деятельности	577
2.14. Мобилизация памяти... или о положении русского и русскоязычного населения в ближайшем зарубежье	595
3. Сопротивление. К изучению национально-освободительного движения депортированных народов на примере крымских татар. (От истоков движения до середины 1980-х годов)	604

Часть IV. Принципы и факторы этнической мобилизации

1. Типология этнических сред при этносоциологическом изучении языковых процессов.	665
2. К изучению тюркоязычного населения Юго-Восточной Европы в свете современных задач балканистики	681
3. Национальные группы и меньшинства в системе межнациональных отношений в СССР	691
4. О задачах этнополитической антологии	711

Часть V. Формирование российской государственно-гражданской общности (РГГО)

1. Этногенетические портреты. Кто мы? Откуда? Какие мы?	729
2. Этностатистические портреты. Народы в таблицах или таблицы о народах?	734
3. Симбиоз этнической и гражданской идентичности	738

Примечания	767
-------------------------	-----

Авторский комментарий	807
------------------------------------	-----

ЧАСТЬ I

ЯЗЫК, ДВУЯЗЫЧИЕ, ЭТНИЧНОСТЬ

*«И сказали они: построим себе город и башню, высоко до небес...
И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили
сыны человеческие.*

*И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что
начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали де-
лать.*

*Сойдем же, и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал
речи другого.*

*И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали
строить город.*

Посему дано ему имя: Вавилон...»

Библия. Книги Ветхого Завета.
Бытие. Глава XI.

*«Весьма нужно всех иноземных подданных российских народов раз-
ность и согласие языков знать и древность русскую изъяснить, а
также школы такие устроить, чтобы русские младенцы их язы-
ка, а их младенцы русской грамоте, языка и закона Божия учиться
возможность имели»*

В. Н. Татищев.
Лексикон. 1739 г.

1. ИНТЕГРИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ЯЗЫКА

В изучении современных этнических, национальных и языковых процессов особую актуальность приобретает структурно-функциональный подход. В основе этого подхода лежит представление о языке как самостоятельной структуре, входящей в систему этноса в качестве подструктуры. В одном ряду с языком («по горизонтали») в системе этноса находятся и другие этнические определители: этническое самосознание, материальная и духовная культура, семейный быт, эндогамия в широком смысле слова (понимаемая как преимущественное заключение браков внутри своей этнической общности), традиционные установки, ценностные ориентации и т. д. На правах отдельных подструктур указанные этноопределители вместе с языком являются составными элементами этноса как социальной системы.

Непременным условием, по которому тот или иной элемент этноса может служить объективным компонентом этнической интеграции, является совпадение двух видов общностей: этнической общности и той общности, которая создается с помощью одного отдельного элемента этноса. В этом смысле чаще всего совпадают этнические и языковые общности. Однако можно назвать немало различных этнических общностей, входящих в одну языковую общность. Так, на одном и том же языке говорят разные народы: английским пользуются англичане, шотландцы, канадцы, американцы США; испанским — сами испанцы, мексиканцы, почти все народы Центральной Америки (гватемальцы, гондурасцы, никарагуанцы, сальвадорцы, костариканцы, панамцы), Южной Америки (колумбийцы, венесуэльцы, эквадорцы, перуанцы, боливийцы, чилийцы, аргентинцы, уругвайцы), многие народы Вест-Индии (кубинцы, пуэрториканцы, доминиканцы); португальским — бразильцы и сами португальцы. Наблюдается и противоположное явление: один и тот же народ пользуется двумя языками. Так, в этническую общность мордвы входят две языковые общности: эрзя-мордовская и мокша-мордовская. Аналогично складывается этническая общность ирландцев, шотландцев, коми, марийцев. Следовательно, языковая и этническая общности по разному соотносятся друг с другом. Тата-

ры Литвы и Польши полностью утратили свой родной (совпадающий с их национальной принадлежностью) язык, но сохранили себя как ограниченную этническую общность благодаря устойчивости других элементов — культурно-бытовых особенностей и собственно этнического самосознания. Перепись 1970 г. выявила лишь частичное совпадение языковой и этнической общности у некоторых малых народов СССР. Только 35,7% ительменов, 46,8% юкагиров, 48,6% орочей, 49,5% нивхов, 51,1% селькупов, 51,3% эвенков, 52,4% манси и 55,2% удэгейцев назвали родным языком язык своей национальности¹.

Сопоставление этнической общности и общности по другому важному элементу — культуре — показывает также различные формы соотношения. Возьмем один из аспектов культуры, понимаемой в широком смысле слова как совокупность традиционных особенностей материальной и духовной жизни народа, сложившихся в условиях определенной географической среды, на определенном уровне исторического развития и имеющей определенную направленность развития производительных сил народа. В комплексном виде этот аспект в этнографической науке именуется как хозяйственно-культурный тип. Накануне Октябрьской революции среди народов Советского Союза были распространены почти все известные в мире хозяйственно-культурные типы, за исключением самых примитивных и тех, которые были распространены только в тропическом поясе.

Однако в одном и том же хозяйственно-культурном типе нетрудно было обнаружить несколько отличающихся друг от друга этносов. Так, оседлое плужно-земледельческое хозяйство было почти в одинаковой мере характерно для славяноязычных украинцев, романоязычных молдаван, прибалтийских народов и для некоторых народов Кавказа. Среди кочевых скотоводов степей были монголоязычные буряты, калмыки, тюркоязычные казахи, киргизы. Первые были похожи на вторых по типу хозяйства и образу жизни, но отличались по языку и элементам культуры. И наоборот, отдельные группы одной и той же этнической общности отличались друг от друга своеобразием хозяйственно-культурного облика. Например, традиционное хозяйство эвенков, кочевавших от Енисея до Тихого океана, состояло в своеобразном сочетании трех отраслей хозяйства: охоты, оленеводства и рыболовства. Тем не менее как этническая общность эвенки были едины. В такой же мере этнически самостоятельными были чукчи и коряки, обладающие единством территории, языка и этнического самосознания, хотя каждый из этих двух народов делился на две части, отличающиеся друг от друга по хозяйственно-культурному типу: кочевые (оленные)

и «сидячие» (береговые, оседлые) чукчи и коряки. Оседлые коряки стояли ближе по культуре к оседлым чукчам, чем к кочевым корякам, а кочевые коряки — к кочевым чукчам, чем к оседлым корякам. Образ жизни южных селькупов был оседлым, а северных — полукочевым. Независимо от деления на наречия, цыгане СССР, так же, как и цыгане других стран, делились на оседлых и кочевых. Все эти примеры показывают несовпадение этнической общности с хозяйственно-культурной общностью «по вертикали». Иными словами, хозяйственно-культурный облик служит критерием дополнительного выделения в этнической общности подразделений второго (более дробного) порядка².

Однако нередко зоны этнической и хозяйственно-культурной общностей, не совпадая, пересекаются еще по одной линии. Так, селькупы родственны ненцам по языку, но отличаются от них по типу хозяйства и культуры, сближаясь с хозяйством и культурой хантов. Долганы говорят на якутском языке, но их культура близка к эвенкийской (с отдельными элементами ненецкого происхождения). Абхазцы и адыгейцы говорят на близкородственных языках и в то же время имеют ряд сходных антропологических и культурных черт с грузинами. Все это показывает, что такой немаловажный элемент этноса, как хозяйственно-культурный тип, взятый в отдельности, не может играть роль обязательного признака этнической общности. В дискуссии, состоявшейся в 1966—1970 гг. на страницах журнала «Вопросы истории» и посвященной определению одного из типов этнической общности — нации, широко обсуждался и такой признак этноса, как общность территории. По мнению большинства авторов, определенная территория является важным условием формирования любой этнической общности. Однако, как видно из многочисленных этнографических примеров, территориальная общность совмещается с этнической еще реже, чем языковая и хозяйственно-культурная. С одной стороны, немало примеров того, как в процессе развития многих этнических общностей их исторически сложившееся территориальное единство разрушается, а сами этнические общности продолжают существовать без общей территории. Об этом свидетельствует расселение армян, цыган, испанцев, евреев, тамиллов, курдов и многих других народов, не живущих компактно. С другой стороны, различные народы сливаются в одну этническую общность (особенно в процессе образования наций) благодаря тому, что волей исторических судеб оказываются совместно живущими на одной территории, которая, постепенно превращаясь в родную, становится для всех совместно живущих как бы единым этноопределением.

телем (североамериканцы, англо- и франко-канадцы, англоавстралийцы, англо-новозеландцы, многочисленные народы Латинской Америки и др.). Отрыв от этой территории иногда переводит людей данной этнической общности в категорию этнических (национальных) меньшинств, которые, попав в иноэтническую (инонациональную) среду, как правило, начинают подвергаться процессу ассимиляции. В то же время известны случаи, когда та или иная этническая общность, изменив место своего первоначального обитания, не теряет своего самобытного этнического облика, отраженного в других элементах этноса: в языке, культуре, обычаях и т. д. (например, мадьяры, калмыки и др.). Наконец, следует указать, что территория этнической общности может расширяться или сокращаться. Следовательно, территория сама, по себе так же как и другие элементы этноса, не может являться достаточным критерием (этноопределителем) для отличия одного этноса от другого.

Дополнительным ориентиром при различении этнических общностей может служить эндогамия как одна из специфических, характерных только для этносов общность, особенно если учесть, что в современных условиях этносы по крайней мере на 90% эндогамны, а нарушение эндогамии в пределах 10% не ведет к нарушению целостности этноса³.

В некоторых случаях важную роль в формировании этнической общности начинают играть отдельные аспекты культуры, в частности религия и религиозная принадлежность. Сербь, отличающиеся от хорватов религией, но говорящие на общем, сербохорватском, языке, считают себя самостоятельным народом. Таким образом, религиозное отличие сербов от хорватов приобрело характер отличия этнического. Этнические различия между китайцами и народностью хуэй, между яванцами и теггерами также во многом объясняются принадлежностью к различным религиям. Пытаясь насильственно ассимилировать балканские народы, турецкие феодалы во времена Оттоманской империи стремились обратить их в ислам, так как вслед за религиозной ассимиляцией легче было бы осуществить ассимиляцию языковую и, далее, ассимиляцию этническую.

Ни один признак этноса, взятый в отдельности, ни механический набор признаков еще не могут представить этническую общность в целом как систему, тем более, что в разных исторических условиях для этноса ведущим может выступать то один из его признаков, то другой. Только своеобразное сочетание элементов каждого конкретного этноса и придает ему неповторимое лицо.

В обобщенном виде модель этноса может быть представлена некоей схемой, состоящей из элементов «горизонтального» ряда, и функций,

выполняемых каждым из этих элементов этноса. При таком подходе перед нами предстанет и внутренняя структура этноса, состоящая из серии подструктур (элементов, расположенных «горизонтально»), и система отношений между элементами (расположенные «по вертикали» функции элементов).

Степень изученности этноса в указанных здесь аспектах (назовем их условно структурным и функциональным) является неодинаковой. Рассмотрению «горизонтального ряда» и обсуждению вопроса, из каких именно этноопределителей состоят этнос и этнические общности, посвящено достаточно много работ, тогда как проблема функциональности этноопределителей остается неосвещенной⁴.

Еще менее изучены функциональные нагрузки отдельных элементов этноса⁵. С. А. Токарев предложил историко-этнографический способ изучения изменения роли признаков этнической общности двумя путями: во-первых, исследовать на разных исторических стадиях относительную роль тех отдельных признаков, из которых складывается понятие этнической общности; во-вторых, выяснить, какие вообще известны типы этнических общностей и в каком соотношении они находятся со стадиями общего исторического процесса⁶. Однако уже сам С. А. Токарев считает, что от предложенного им пути едва ли можно ждать значительных результатов. Действительно, трудно себе представить, каким образом можно изучить функции языка, одежды, жилища и других этнических элементов у различных древних народов, не находясь в непосредственном контакте с этими народами (хотя определенные шаги в этом направлении, вероятно, можно было бы предпринять, используя ретроспективные методы исторических исследований). Иное дело — изучение функциональной роли различных элементов этноса в наше время. Здесь на помощь могут быть призваны методы конкретной социологии.

Чтобы сформулировать задачу, вернемся к воображаемой схеме этноса, выделим в ее горизонтальном ряду один элемент — язык и рассмотрим одну из его функций — служить внутринациональным средством общения и формой культуры для данной этнической общности. Сместим акцент с языка как системы на язык как процесс, т. е. на речевое поведение, выделим интегрирующую функцию языка и попытаемся далее выяснить, как проявляется эта функция, под влиянием каких факторов она развивается и как она коррелирует с интегрирующими функциями других элементов этноса.

Язык как элемент этноса может иметь несколько характеристик. С одной стороны, может быть количественно определена его социалин-

гвистическая нагрузка: определено число школ с преподаванием на данном языке, численность обучающихся в этих школах, подсчитан объем всей изданной печатной продукции, суммировано время, в течение которого работают средства массовой коммуникации, определено количество информации, получаемой населением в устной и письменной формах.

Методом анкетного опроса можно выявить роль языка как средства общения в самых разнообразных ситуациях (языковых сферах): в домашнем быту, на работе, в общественной жизни, на досуге и т. д.

С другой стороны, каждый язык имеет свою собственную материальную структуру, состоящую из лексики, фонетики, морфологии, синтаксиса. Все эти составные части языка диалектически связаны между собой, и ими один язык отличается от другого. В языке выражается национальная специфичность культуры, а также самобытное отношение языка к действительности, с которой соприкасаются носители данного языка. Именно по этой причине нередко с помощью языка воссоздается история народа и его контактов с другими народами.

Указанная особенность языка как определенная этнолингвистическая характеристика наиболее часто использовалась в исследованиях этногенетических процессов (этнических процессов прошлого).

В отечественной литературе известна традиция рассматривать этнические процессы через призму всего этноса в целом или через содержание отдельных элементов: языка, культуры и т. п. Такой широкий подход является вполне закономерным, так как отражает сложность этнических общностей как исторических образований. Однако, кроме взаимоотношений между этносами, существуют отношения личностные, т. е. отношения, проявляющиеся между людьми, принадлежащими к разным этносам. Исчезновение человека — носителя конкретных этнических черт — из поля зрения исследователей создавало серьезные препятствия в попытках всесторонне охарактеризовать сущность языковых и этнических процессов в их динамике.

Описывая этнос по его отдельным элементам, но применяя при этом личностный подход, т. е. выявляя прочность связей человека со своей этнической общностью, можно, как нам представляется, определить функциональную нагрузку каждого элемента этноса. При таком подходе все психологические акты отождествления субъекта со своим этносом (например, по языку, происхождению, общности исторической судьбы и т. д.) будут представлять собой не что иное, как элементы этнической идентификации.

Этническое сознание — в отличие от этнического самосознания (понятия структурно более простого и означающего почти автоматическое, «стихийное» отнесение себя к определенной этнической общности) — представляет собой не однослойное, а как бы многослойное («многократное») отнесение себя к конкретной этнической общности. Иными словами, под этническим сознанием можно понимать систему взглядов на этническую общность и на самого себя. Эти взгляды формируются у каждого субъекта на основе реального понимания того, что, во-первых, определенные элементы этноса являются присущими именно для данной, а не для какой-либо иной этнической общности, а, во-вторых, осознание субъектом себя носителем элементов данного, а не какого-либо иного этноса.

Формы этнического сознания могут быть простыми и сложными. Если человек относит себя только к одной этнической общности (по большинству элементов), то такое этническое сознание может быть определено как простое (однородное, чистое). Если же человек по ряду элементов относит себя к одному этносу, а по одному или нескольким другим элементам — к другому, то такое этническое сознание является сложным (неоднородным, смешанным).

Дифференциация элементов по интенсивности проявления в них интегрирующей функции каждого может служить основой для сопоставления качественно различных типов этнического сознания, при условии, что само качественное своеобразие будет выражаться через определенное количество. Так появляется возможность сравнительной характеристики интегрирующей функции языка с аналогичной функцией других элементов этноса по крайней мере в двух типах этнического сознания: в простом типе и сложном. В первом случае язык и его интегрирующая функция будут сопоставляться с элементами, характерными для данного этноса, например, будет сравниваться, что больше всего сближает человека со своей этнической общностью: родной язык, национальная одежда и т. д. Во втором случае интегрирующие функции элементов этноса будут сравниваться с аналогичными функциями элементов другого этноса. Примером этому может служить случай, когда человек, считая себя представителем одной национальности, называет своим родным язык другой нации и т. д. Такое понимание этнического сознания дает возможность с помощью количественных методов выяснить прочность уз, скрепляющих этнос изнутри, а следовательно, и то состояние, к которому движется этническая общность при развитии этнического сознания от одной ее формы к другой.

Интенсивность, с которой проявляется интегрирующая функция элементов этноса, зависит от различных условий и факторов. Среди факторов, способствующих формированию простого или сложного типа этнического сознания, а также той или иной формы конкретного проявления в нем интегрирующей функции языка, доминирующую роль играет социальная, а вслед за ней — и этническая среда.

Интервьюирование сельских и городских удмуртов в Удмуртской АССР⁷ выявило неодинаковую функциональную нагрузку одних и тех же элементов этнической идентификации в структуре этнического сознания. В представлениях сельских удмуртов (как это видно из табл. 1) связь со своим этносом наиболее очевидно проявляется в том, что они прежде всего носители удмуртского языка. Затем в иерархии их этнического сознания следуют народные обряды и обычаи, далее — материальная культура (жилище, одежда, пища и т. д.), и, наконец, только на четвертом месте оказывается этническое самосознание.

Таблица 1

**Различия в структуре этнического сознания
у городских и сельских удмуртов**

Вопрос: Что Вас сближает, роднит со своим народом?	Село		Город	
	в % к числу опрошенных	ранги	в % к числу опрошенных	ранги
Язык	45,1	1	35,2	1
Обряды, обычаи	17,2	2	9,0	5
Материальная культура	14,5	3	8,8	6
Чувство этнического самосознания	11,8	4	18,3	2
Фольклор	4,6	5	10,3	4
Профессиональное искусство	3,8	6	11,2	3
Ничто не связывает	2,8	7	7,2	7

У городских удмуртов язык — по сравнению со всеми остальными элементами идентификации — достаточно яркий и очевидный интегрирующий показатель. Так же, как и у сельских жителей, в сознании горожан в этом смысле он занимает первое место. Однако на этом сходство структур этнического сознания городских и сельских удмуртов кончается. На втором месте по прочности уз, связывающих городских удмуртов с удмуртской этнической общностью, — чувство их этнического самосознания, на третьем — профессиональный слой духовной культуры и, наконец, на четвертом месте — фольклорный слой традиционной духовной культуры.

Из этой же таблицы видно, что у одного и того же элемента этнической идентификации сила интегрирующей функции в городской и сельской среде неодинакова.

В структуре этнического сознания сельских удмуртов на полярных местах по значимости, т. е. прочности связей респондентов (опрашиваемых) со своим родным народом, находятся язык и профессиональный слой духовной культуры. Широта вариации между количественными выражениями этих полюсов достаточно высока (41,3%) и свидетельствует о доминирующем значении языка, который является важнейшим внутриэтническим интегратором в среде сельского населения. Вместе с тем, язык — важнейшая составная часть в традиционной системе этнических ценностей. Однако под влиянием современного процесса урбанизации в структуре этнического сознания происходят определенные сдвиги и перемещения, вызванные ослаблением или, наоборот, усилением интегрирующих функций элементов этнической идентификации.

Неудивительно, что в структуре этнического сознания городских удмуртов третьим по значимости фактором внутриэтнической интеграции является уже не материальная культура, как у сельских жителей, а профессиональный слой духовной культуры. Следует учесть и то, что в этническом сознании горожан разница между полярными по значимости элементами этнической идентификации (языком и материальной культурой) невелика — 26%. Из этого можно сделать два предположения: 1) урбанизация городского населения создает предпосылки для перемещения центра этнических ориентаций от традиционных форм культуры к современным, выраженным профессиональной культурой (т. е. создаваемым творческой интеллигенцией); 2) углубляются тенденции переключения от факторов объективных к факторам субъективным, от факторов материального порядка к факторам психологическим.

В этническом сознании опрошенных молдаван⁸, проживающих в Молдавской ССР, элементы этнической идентификации распределились следующим образом: 1) язык; 2) этническое самосознание; 3) духовная культура (музыка, танцы, фольклор) и 4) народные праздники. В контрольной группе экспертов — молдаван, сотрудников гуманитарного профиля АН МССР, жителей г. Кишинева, — выявилось иное распределение в структуре этнического сознания. На первое место здесь выдвинулось осознание своей этнической принадлежности (интегрирующая функция этнического самосознания), на второе — духовная культура. Сила интегрирующей функции языка у горожан — по сравнению с сельскими жителями — сместилась с первого на третье место. Следовательно, добавление такого важного фактора, как социально-

профессиональный статус, внесло заметные коррективы в структуру этнического сознания. Наметившаяся у удмуртов тенденция к ослаблению интегрирующей функции языка в городе по сравнению с деревней у молдаван привела к «переоценке ценностей», в результате которой в этническом сознании горожан (творческих работников) первое по значимости место занял не объективный, а субъективный фактор.

Рассматривая данные табл. 1, нельзя оставить без внимания группы опрошенных удмуртов (особенно среди горожан) со сложным этническим сознанием. Последнее видно из того, что 3% сельских жителей и 7% горожан, назвав себя удмуртами, тем не менее не выбрали ни одного из предложенных им элементов этнической идентификации, на основании которого они действительно осознают свою принадлежность к удмуртской этнической общности. Возможно, во-первых, что в самом социологическом инструментарии («Вопроснике») оказались не включенными именно те элементы этноса, по общности с которыми опрошенные осознавали себя удмуртами; во-вторых, в силу ассимиляционных процессов некоторые удмурты, сравнительно недавно перешедшие в другую этническую общность (например обрусевшие), по традиции еще продолжают считать себя удмуртами, хотя фактически уже не являются носителями элементов данного этноса.

Таким образом, есть некоторые основания полагать, что одни и те же элементы этноса могут иметь неодинаковую функциональную нагрузку в городской и сельской среде. Если жителю молдавского села наиболее очевидным признаком отождествления со своей молдавской общностью представляется язык, то для горожанина более существенным является осознание своей этнической принадлежности. По-видимому, в сельской местности объективные признаки (элементы этноса) чаще и более широко совпадают с их субъективным осознанием. В городе, наоборот, четко выраженная сила абстракции создает между первым и вторым значительный разрыв.

Интегрирующая функция языка, а также других элементов этноса по-разному проявляется в различных этнических средах. Этнолингвистическое обследование молдаван и украинцев в двух типах этнических сред (в «своей» и «не своей») позволило предположить, что иерархия элементов этнической идентификации у двух народов, живущих в своих однонациональных средах, может быть более близкой друг к другу, чем иерархия элементов двух групп одного и того же народа, находящихся в различных типах этнических сред. Очевидно, можно предположить существование у каждого народа определенной модели этнического сознания, подвергающейся деформации в инациональной среде⁹.

В ходе сравнения действия различных факторов на этническое сознание выясняется разница не только в мере, но и в направленности их воздействия. Если, например, под влиянием социальных факторов претерпевает изменение функциональная нагрузка элементов этноса, то под влиянием этнической среды меняются сами элементы этнической идентификации. Так, ослабление интегрирующей функции языка у горожан безусловно ведет к изменениям в структуре этнического сознания. Однако от перемены мест элементов этнической идентификации общее этническое сознание остается как бы неизменным. Относительное ослабление функции языка как средства внутриэтнического интегратора компенсируется возрастанием роли других элементов. Иначе обстоит дело, когда объективными факторами этнического сознания вместо элементов одного этноса становятся элементы другого.

Рассмотрим некоторые национальные ориентации, когда в структуре этнического сознания объективными факторами становятся элементы, относящиеся к генетически неоднородным этносам. В качестве рабочей гипотезы допустим, что несовпадение двух важнейших этноопределителей — родного языка и этнического самосознания — должно просигнализировать о тенденции к определенной индифферентности субъекта к элементам национальной культуры. Изучение культурно-национальных ориентаций сельских карелов¹⁰ методом анкетного опроса подтвердило правомерность данного тезиса (см. табл. 2).

Как видно из табл. 2, самый большой интерес к национальным карельским песням, танцам, музыке и свадебным обрядам обнаружили именно те сельские карелы, которые признавали родным карельский язык.

Присутствие в этническом сознании сельских карелов «чужеродного элемента» (языка другой национальности) показывает, что ослабление влияния других элементов карельской этнической общности находится в прямой зависимости от этого факта. Однако характер и темпы этого процесса в разных элементах национальной культуры неодинаковы. Среди сельских карелов, для которых родной — карельский язык, предпочтительный интерес в той или иной мере к карельским народным песням проявили 9,9%, к национальной музыке — 14,8%, к танцам — 16,4%, а к национальному свадебному обряду — 27,1%. Сравнение национальных ориентаций этих карелов с национальными ориентациями тех, для кого родным уже стал язык другой национальности, показывает, что утрата национального языка особенно резко понижает интерес к народному свадебному обряду.

Данные, о взаимосвязи языка с элементами духовной культуры было бы трудно подвергнуть анализу без учета того, какое место каждый из них занимает в общей структуре этнического сознания.

Таблица 2

**Родной язык и культурно-национальная ориентация сельских карелов
(в % по данным анкетного опроса)**

Вопрос и ответы	Признают своим родным языком	
	карельский 887 чел.	русский 93 чел.
1. Какие танцы Вам больше всего нравятся?		
1) предпочитают «западные»	3,8	10,4
2) нравятся в одинаковой мере всякие танцы свои (национальные), народов СССР, классические (вальс и т. д.), современные западные танцы	65,5	66,3
3) нравятся танцы разных народов, но предпочитают все-таки свои, национальные	1,8	7,2
4) нравятся только свои народные национальные танцы	4,6	0,0
2. Какие Вам больше нравятся песни?		
1) предпочитают «западные»	2,3	10,5
2) нравятся русские и национальные	59,2	54,8
3) нравятся в одинаковой мере всякие песни	25,6	27,1
4) нравятся песни разных народов, но предпочитают свои национальные песни	8,8	2,1
5) нравятся только свои, народные, песни	1,1	1,5
3. Какой из концертов предпочли бы?		
1) только «западная» музыка	1,1	5,6
2) музыка других народов, а также национальная музыка	63,8	75,0
3) главным образом национальная музыка, а также музыка других народов	10,8	4,6
4) музыка только композиторов Карелии	4,0	1,5
4. Какую свадьбу хотели бы устроить?		
1) простую вечеринку	61,7	64,6
2) вечеринку с элементами национального обряда	11,5	1,2
3) по национальному обряду, но не старинному, а новому, сокращенному	8,9	4,6
4) по старинному национальному обряду	4,7	0,0

Как показал анкетный опрос, внутренняя монолитность карельского этноса и его внешняя устойчивость поддерживаются благодаря существованию серии таких элементов, по которым каждый карел осознает себя карелом. Все эти элементы этнической индентификации, как видно из данных табл. 3, легко могут быть сведены в две группы. В числе сильно действующих факторов — национальность родителей, национальный язык, наличие родных и близких — карелов по национальности, «родная земля». В числе слабо действующих — нацио-

нальные обычаи, карельская материальная культура, карельские песни, танцы и (наименее всего) национальная литература и искусство.

Оба слоя духовной культуры карелов — и профессиональный, и непрофессиональный — оказались в числе слабых объективных факторов, по которым карелы осознают себя карелами; особенно это относится к профессиональному слою. Профессиональный слой духовной культуры карелов еще не достиг высокого уровня развития и не получил столь широкого распространения, как непрофессиональная народная культура. И потому утрата родного языка влечет за собой наиболее глубокие последствия в том слое культуры, который залегает глубже. В частности, для сельских карелов это проявляется в изменении отношения к свадебному обряду.

Таблица 3

Структура этнического сознания сельских карелов
(по данным анкетного опроса)

Вопрос: Что сближает, роднит Вас с людьми своей национальности?	В % к числу опрошенных
Мать карелка	55,4
Отец карел	54,0
Родственники и близкие карелы	41,2
Национальный язык	56,1
Живу в Карелии	59,4
Национальные обычаи, привычки, обряды	11,3
Национальные песни, танцы	2,1
Национальная пища, жилище	1,2
Национальная литература, искусство	0,4
Затрудняюсь ответить	8,0
Ничего не сближает	1,8

33% городских и 46,3% сельских удмуртов с родным языком, совпадающим с их национальной принадлежностью, высказало свое положительное отношение к традиционному удмуртскому родильному ритуалу, в то время как среди удмуртов с родным неударским языком подобное отношение к указанному ритуалу продемонстрировали всего только 13,4% городских и 21,2% сельских жителей. Как характер отношения к элементам традиционной культуры, так и уровень знания этих элементов оказались зависимыми от того, какой язык играет для респондентов роль внутриэтнического интегратора: удмуртский или неударский. Приверженность или, наоборот, отсутствие интереса к элементам национальной культуры — это только одна из сторон на-

циональной ориентации человека, в которой находит отражение мера внутриэтнической интеграции того или иного элемента культуры.

В современной Карелии среди факторов, вызывающих «отлив» сельских карелов от традиционных форм культуры, особую роль играют языковые процессы. Широкое распространение двуязычия, дальнейшее расширение сфер действия русского языка, успешно выполняющего у некоторых групп карелов функцию не только межнационального, но и внутринационального общения, ускоряет процесс интернационализации культуры.

Другими немаловажными показателями действия языкового фактора на национально-психологическое сознание человека являются степень знакомства с национальной культурой, межнациональные отношения, т. е. отношение к лицам той или иной национальной принадлежности.

Исследование этнокультурных процессов у удмуртов показало, что положительное отношение к национальным обрядам у них ниже уровня знания этих обрядов. 28,5% городских и 48,5% сельских жителей на вопрос, как следует отмечать рождение ребенка, ответили, что старинные ритуалы или по крайней мере их сокращенные варианты (хотя бы отдельные элементы) должны сохраняться и в наши дни. Когда же стали выяснять, каков уровень знания этих обрядов, то оказалось, что в той или иной мере их знают 58,6% городских и 82,2% сельских удмуртов. Знание традиционного удмуртского свадебного ритуала оказалось шире, чем степень его бытования. Удмуртов, знакомых с традиционные свадебным обрядом гораздо больше, чем тех, кто свою свадьбу справил по нормам старинного обряда.

Разница между уровнем знания и степенью бытования национальных обрядов у сельских жителей обычно больше и проявляется ярче, чем у горожан.

Смена родного языка, или, другими словами, прекращение функционирования карельского языка как элемента этнической идентификации, находится в прямой связи с ослаблением знания карелами элементов как духовной, так и материальной культуры. Поэтому здесь особенно уместно рассмотреть зависимость от родного языка.

При контактах генетически неоднородных этносов элементы материальной культуры, как известно, заимствуются быстрее и легче, чем произведения духовной культуры. Отсюда, казалось бы, можно было ожидать, что, во-первых, смене языка должны предшествовать широкие и глубокие изменения в элементах материальной культуры (пище, жилище, одежде и т. д.), а, во-вторых, в результате языковой смены прекращение действия языка как средства внутриэтнического интегра-

тора должно быть синхронно более тесно связанным с соответствующими изменениями в элементах материальной культуры. Однако, как видно из данных табл. 4, это ожидание не подтверждается.

Таблица 4

**Родной язык и знание элементов национальной культуры
(в % по данным анкетного опроса)**

Вопрос и ответы	Признают своим родным	
	карельский 887 чел.	русский 93 чел.
1. Какие песни Вы считаете своими национальными песнями?		
1) не знает	60,6	76,9
2) знает и может воспроизвести менее 7 песен	32,7	18,5
3) знает и может воспроизвести от 7 до 15 песен	3,6	0,0
2. Какие кушанья Вы считаете своими национальными?		
1) не знает	7,9	22,5
2) знает менее 5 блюд	55,0	55,9
3) знает 5–12 блюд	30,4	17,1

Карельские национальные песни знают 36,3% карелов с родным карельским языком и 18,5% карелов с родным русским языком, а национальные блюда соответственно — 85,4% и 73,0%. Отсюда видно, что смена национального карельского языка повлекла за собой утрату знания национальных песен в большей мере, чем утрату национальных блюд.

Таким образом, ослабление интегрирующей функции языка или полная смена его языком другого этноса оказывают влияние прежде всего на элементы духовной культуры. Иными словами, языковая ассимиляция теснее всего коррелируется с ассимиляционными процессами, протекающими в сферах духовной культуры, наиболее тесно связанных с языком (см. табл. 5). Интегрирующая функция каждого элемента этноса зависит от действия различных факторов, элиминировать которые без сложного аппарата системного анализа не всегда представляется возможным. Предварительно можно, основываясь на данных табл. 5, сделать некоторые предположения. Смена любого элемента этноса находится в определенной связи с ослаблением интегрирующей функции какого-либо другого элемента. Например, знание родильных обрядов как у городских, так и у сельских удмуртов имеет общую тенденцию к сокращению в связи со сменой родного языка, сменой национального свадебного костюма, нарушением принципа эн-

догами, связанным, в частности, с национально-смешанным составом супружеских пар, и даже обнаруживается связь, казалось бы, с таким несущественным фактором, как национальность друга. Данное правило распространяется и на городское, и на сельское население. По всей видимости, смена одного и того же этноопределителя оказывает неодинаковое влияние на ослабление интегрирующей функции других элементов в городской и в сельской среде. Это частично видно из того, что у городских удмуртов знание родильных обрядов наиболее тесно связано со справлением свадьбы в традиционном свадебном костюме, у сельских удмуртов — с родным языком.

Таблица 5

Знание удмуртских родильных обрядов в связи со сменой одного из элементов этнической идентификации (в % по данным опроса удмуртов в Удмуртии)

	Родной язык		Национальность супруга		Национальность друга		Свадебный костюм	
	удмуртский	неудмуртский	удмурт (ка)	не удмурт	удмурт	не удмурт	удмурт	не удмуртск
1. Город								
1) знают	67,7	38,2	61,0	56,0	63,5	53,8	87,7	52,9
2) не знают	35,3	61,6	38,8	44,8	38,4	46,0	12,1	46,0
2. Село								
1) знают	82,1	47,2	82,8	71,9	82,2	64,1	93,0	71,6
2) не знают	17,6	52,6	17,0	28,0	17,6	35,7	6,8	28,3

Ослабление внутриэтнических связей как среди городских, так и среди сельских жителей находится в зависимости от многих факторов. Особенно тесная связь обнаруживается со степенью устойчивости интегрирующей функции языка. Иными словами, состояние языка как элемента этнической идентификации и выполнение им интегрирующей функции играют значительную роль как внутри этноса между его отдельными элементами, так и в общей устойчивости самого этноса как системы. Связь между языком и остальными элементами этноса не является однозначной. В одном случае ослабление интегрирующей функции языка компенсируется усилением подобной функции других элементов этноса и общая система этнического сознания остается в целом неизменной; в другом случае затухание интегрирующей функции языка ведет к усилению индифферентности личности к остальным

элементам этнической идентификации и через этот промежуточный этап кладет начало процессу этнической ассимиляции.

Между совершенством структуры элемента этноса (в том числе и языка) и масштабами проявления его функции существуют определенные корреляции, обусловленные, как правило, общим социально-экономическим развитием этноса и некоторыми другими показателями этнической общности, компактным или дисперсным характером расселения, степенью урбанизированности городского и сельского населения, глубиной социально-профессиональной дифференциации и другими характеристиками.

Изучение этнических процессов, протекающих, с одной стороны, на уровне объективных компонентов этноса, а с другой стороны, на уровне этнического сознания (совокупности элементов этнической идентификации), подготавливает возможность для типологии этничности. Под этничностью — количественно измеренными элементами (параметрами) этнической тождественности индивида со своим этносом — или интенсивностью этнической идентификации понимается реализация существующего набора объективных и субъективных признаков, по которым каждая личность субъективно относит себя к определенной этнической общности и объективно себя в ней реализует.

2. ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ И ЭЛЕМЕНТЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Процесс дальнейшей дифференциации научного знания ставит перед исследователями этноса сложные теоретические и методологические вопросы. Особенно важной является разработка различных межотраслевых проблем. От их решения зависит ликвидация «белых пятен», уцелевших благодаря тому, что они находятся одновременно в поле зрения нескольких научных дисциплин, но не поддаются освоению традиционными методами ни одной из них. Механическая кооперация методов сама по себе не оказывается достаточной для того, чтобы установить обозримые границы вновь развивающейся отрасли знания на стыке ставших уже общеизвестными наук. Точное определение границ этнолингвистики, центральной задачей которой является изучение широкого круга вопросов, входящих в труднообозримую тему «язык и этнос», зависит от целого ряда условий. Решающая роль принадлежит исследованиям объектов, входящих в рамки самой научной дисциплины. А установление границ, как вообще любая классификация, в свою очередь подталкивает дальнейшую работу.

У исследователей разных стран отсутствует единое четкое понимание предмета этнолингвистики. Особенно показательной в этом смысле была работа секции этнолингвистики на VII МКАЭН. В ее на редкость пестрой тематике отразилась еще не сложившаяся структура самой этнолингвистики. Наличие фундаментальных традиций по изучению этноса — этнографами, а языка — лингвистами, затрудняет выделение работ непосредственно этнолингвистического характера. Даже элементарная группировка не представляет сложности одну часть докладов отнести к этнографии, другую — к лингвистике.

Сходство между советскими и американскими направлениями в этнолингвистике по определению ее предмета заключается в том, что языковой материал анализируется в основном в тех случаях, когда решаются этногенетические проблемы, т. е. этнические проблемы, имевшие место в прошлом. В основной объект исследования чаще входит лексика, реже — другие структурные единицы языка и совсем не включаются речь и речевая деятельность. Различие в том, что американские этнолингвисты ограничиваются исследованием лишь бесписьменных языков. Советские же исследователи изучают все языки мира исходя из идеи тесной зависимости развития языка от экстралингвистических факторов. Анализируя развитие не только бесписьменных, но и младописьменных и старописьменных языков, советские ученые настолько расширили тематику своих исследований, что появилась настоятельная потребность в выделении наряду с этнолингвистикой социоллингвистики, психоллингвистики и некоторых других близких («гибридных») дисциплин. А это привело к очередному, как бы вторичному, уточнению предмета их исследований. Интенсивная разработка проблем языковой политики, языкового строительства, функционального развития языков народов СССР создала такое положение, что, сосредоточив внимание на языке и его общественных функциях, ученые исключили из объекта изучения речевое поведение человека.

Между тем для многонационального советского общества с постоянным расширением процессов двуязычия особое значение имеет изучение вариаций речевого поведения отдельного человека, социальных групп и целых этносов в условиях интенсивных этнических контактов. Актуальность этой темы особенно очевидна, если иметь в виду, что межнациональное общение происходит на различных уровнях: от этнической ситуации в союзных и автономных республиках до общения национальностей в такой микросоциальной ячейке общества, как семья. Изучение зависимости речевого поведения от внешних по отношению к языку и к говорящему человеку факторов, типология и меха-